

Информационная война против ЕАЭС

Александр ГАЙШУН,
политолог

В XXI веке одним из главных средств проведения глобальной политики стало масштабное информационное воздействие на сознание народов. Это позволяет центрам силы управлять социальными конфликтами в странах со слабой государственностью, обеспечивать свое политическое влияние на них. В государствах ЕАЭС также сохраняется риск провоцирования социально-политических конфликтов с помощью информационных операций со стороны недружественно настроенных к Союзу сил, что требует повышенного внимания государственных институтов.

Кому выгодно?

Информационные войны новейшего типа стали действенным механизмом воздействия на международные отношения, что и подтверждается особенностями современного политического развития ряда регионов мира, где проявляются интересы сформировавшихся (США и ЕС) или активно формирующихся (Китай, южноамериканские гиганты) центров силы. Примечательно: в странах ЕАЭС есть общее понимание данной проблемы, но отсутствуют действенные средства противостояния информационным угрозам, причем не только глобального, но и регионального уровня.

Как представляется, в настоящее время можно определить несколько основ-

ных векторов информационных атак в отношении постсоветских государств, избравших стратегическим ориентиром евразийскую интеграцию. В качестве первого следует выделить формирование чувства неприязни к идеям интеграции у представителей политических элит, партий, движений и в целом у населения в постсоветских странах. Данное направление определено противостоящими центрами силы приоритетным и реализуется по всем каналам информационного воздействия. Главные объекты – лица, принимающие решения на уровне управления государственными институтами.

Большое значение придается критике социально-экономических курсов входящих в ЕАЭС стран, ставящей под сомнение сами основы евразийской интеграции. В условиях продолжающегося мирового экономического кризиса и введенных Западом санкций в отношении Российской Федерации, которая выступает ядром ЕАЭС, названные информационные мероприятия становятся продуктивными. Как следствие, на правительственном уровне и в экспертных кругах стран – участниц ЕАЭС все более активно обсуждаются вопросы «выгодно – невыгодно» без глубокого анализа стратегических перспектив проекта.

Продолжается провоцирование раскола в группе стран – инициаторов создания Евразийского союза по социокуль-

ОБ АВТОРЕ

ГАЙШУН Александр Николаевич.

Родился в 1971 году в г.п. Глуск Могилевской области. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1994).

Преподавал историю в школах Бобруйска и Глуска. Работал заведующим отделом городской общественно-политической газеты «Бабруйское жыццё» (2004–2014), помощником заместителя председателя Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике (2012–2016).

С сентября 2014 работал начальником отдела по делам молодежи, воспитательной и идеологической работе Бобруйского филиала Белорусского государственного экономического университета.

С 2017 года – ведущий специалист по информационной работе ОАО «Красный пищевик».

Автор 11 научных публикаций.

Сфера научных интересов: вопросы информационной безопасности, политические процессы в современном мире.

турным, конфессиональным признакам. Более всего данная угроза относится к России и Казахстану в силу специфики их культурно-исторического развития, сохраняющихся внутренних рисков в этой сфере.

В сознание людей активно внедряются представления о том, что участие в интеграционном проекте приведет к потере государственного суверенитета странами, вступающими в ЕАЭС, ввиду неизбежного доминирования в нем Российской Федерации. Запад по-прежнему «болен» представлением о стремлении неких сил на постсоветском пространстве возродить СССР. Между тем, как отмечает в своем исследовании национальных проблем заведующий кафедрой политологии БГЭУ доктор исторических наук, профессор О.Г. Буховец, и для представителей политической элиты, и для большинства жителей страны «государственная независимость Республики Беларусь стала частным проявлением общей политической нормы для постсоветского и вообще современного мира» [1, с. 246]. Подчеркнем, что подобные представления есть во всех государствах ЕАЭС.

В связи с этим становится актуальным научное определение сущности современной информационной войны.

Определения и концепции

Термин «информационная война» на протяжении последних двадцати лет употребляется очень часто. Существует и немало определений этого действенного средства современной политики. В конце 1990-х – начале 2000-х годов на постсоветском научном пространстве порой употреблялось и такое образное определение: «Информационная война – это целенаправленное обучение врага тому, как снимать панцирь с самого себя» [2, с. 244]. Подтверждает этот вывод и фундаментальное исследование истории информационных войн профессора Санкт-Петербургского государственного университета Н.Л. Волковского. Из работы следует, что информация на всех

этапах исторического развития являлась объектом борьбы, а в условиях сформировавшегося единого информационного пространства все более продуктивными становятся психологические операции, реализуемые с помощью активно внедряемых новейших технологий [3, с. 8].

Официально термин «информационная война» был закреплен в директивах Министерства обороны США и Комитета начальников штабов Вооруженных сил США, принятых в декабре 1992 года. Подробное разъяснение программы информационной войны появилось в 1993 году в известном Меморандуме № 30 заместителей министра обороны и Комитета начальников штабов США. В последующее время в ходе войн различной классификации происходили дополнения в программу, но концепция оставалась неизменной. Таким образом, под информационной войной в ведущей стране Запада понимают действия, предпринимаемые для достижения превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством влияния на информацию и информационные системы противника, при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственных систем [4, с. 118].

Следует обратить внимание на особенности проведения информационных операций в отношении стран регионов,

относящихся по популярному ранее определению ко второму или третьему миру. Весьма показателен в этом смысле опыт США. «Одним из условий эффективного использования СМИ Соединенными Штатами Америки в конфликтах последнего времени является то, что в управлении информационно-психологическими акциями задействованы американские военно-политические руководители самого высокого уровня» [3, с. 509]. Решения о ведении информационно-психологических операций против конкретной страны (или группы стран) принимает сам президент и делает это на основе рекомендаций и разработок, подготовленных Советом национальной безопасности (СНБ) США.

Как следует из публикаций в западных СМИ, СНБ включает различные отделы регионального назначения – Ближнего Востока и стран Южной Азии, стран Африки, Азии, европейских государств, по делам России и стран СНГ, латиноамериканских государств. В нем работают сотни экспертов по широкому кругу вопросов, главные из которых – оборона, разведка и контроль над вооружениями. В аппарат Совета поступает оперативная и аналитическая информация, прежде всего из Госдепартамента, Министерства обороны и ЦРУ. На ее основе и готовятся информационно-психологические операции.

Планирование американскими специалистами информационных операций происходит в два этапа: изучение зарубежных стран и определение вероятных объектов информационного воздействия на их территориях (так называемые базовые исследования) и разработка плана ведения конкретной информационно-психологической операции.

Первый этап включает в себя сбор и анализ информационных материалов, а именно: открытых печатных изданий (газеты, журналы, книги); официальных документов иностранных государств, сообщений телеграфных агентств, радио, телевидения, интернета; сведений американских спецслужб, политических

отделов посольств; данных опросов населения.

Эти «базовые исследования» и в мирное, и в военное время ведутся по унифицированной схеме и направлены на получение глубокой, всесторонней характеристики изучаемой страны с целью выявления наиболее уязвимых мест в ее политике, экономике, идеологии. Главные акценты делаются на доскональное изучение истории государства, его роли в мире и регионе. Особенное внимание уделяется оценке правительства и оппозиционных группировок, вопросам, вызывающим дискуссии в обществе. Уровень образования населения также имеет значение, как и его религиозные предпочтения.

Важную роль играют, и это особо подчеркнем, сведения о средствах массовой информации, степени их влияния на различные слои общества, а также возможность их использования в интересах США. Заметим, что подобный подход характерен для всех крупнейших стран, входящих в блок НАТО.

Что касается второго этапа, то он направлен на разработку конкретной операции против определенной страны. Важнейшая роль в реализации мероприятий информационной войны отводится мировым средствам массовой информации (все более интернету). В качестве показательных примеров могут рассматриваться проведенные блоком НАТО информационно-психологические операции и войны в Ливии, Египте, Тунисе, Ираке, Югославии.

Наиболее свежий пример – события в Украине, обращающие на себя внимание с точки зрения условий успешного проведения подобного рода действий на постсоветском пространстве.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующее определение современной информационно-психологической войны: это программа мер, направленных на дестабилизацию социума с целью свержения политического режима или изменения целевых политических установок правящей элиты, настроений граждан с использованием средств информационной борьбы.

Риски экономического союза

Даже непродолжительная пока история существования ЕАЭС позволяет говорить о том, что главным риском интеграционного образования на постсоветском пространстве является частое следование странами-участницами несовершенным установкам так называемого Новоогаревского процесса времен заката СССР. Поэтому сегодня необходимо понимание экономического и политического партнерства не только как средства, но и как цели. «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству», – этот посыл Канта, известный как категорический императив, в процессе интеграции весьма эффективен [5].

Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и в не меньшей степени Украина интересны для крупных европейских и азиатских государств главным образом как сырьевые источники и «товаропроводящие», а также «буферные» территории. Поэтому в стратегическом экономическом партнерстве их успешная будущность видится только в связи друг с другом.

Что касается международных отношений, то сегодня на первый план выходит региональная безопасность. Наиболее актуальными в связи с этим видятся такие угрозы нового типа, как радикализм, наркоторговля, терроризм, транснациональная коррупция, экспорт «цветных революций».

Экономический фундамент ЕАЭС – промышленная кооперация, общий рынок, координация ресурсной политики – требует безусловного усиления, но здесь как раз и властвует условный императив в межгосударственной политике стран – участник проекта, который используется конкурирующими центрами силы.

На первый план в информационной войне вышла программа «демонизации» России, которая рассматривается как ядро евразийской интеграции. Уже

в первом публичном заявлении Вашингтона по Евразийскому союзу отразилось главенствующее в умах американской политической элиты отношение к интеграционному проекту на постсоветском пространстве. В декабре 2012 года госсекретарь Хиллари Клинтон, недавний кандидат в президенты США от Демократической партии, в выступлении перед журналистами заметила, что «планирующийся к созданию Евразийский союз представляет собой «попытку ресоветизации региона», и что США «ищут эффективные способы, которые бы позволили затормозить или предотвратить развитие этого проекта» [6].

Несколько позже тональность администрации Обамы сменилась, но, как утверждает заместитель директора и научный сотрудник программы «Россия и Евразия» Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Джефри Манкофф, «в частных беседах, имевших место в 2014 году, американские дипломаты убеждали собеседников из стран, рассматривавших возможность вступления в ЕЭС (например, из Кыргызстана), что такой шаг нанесет ущерб их экономике и усилит их политическую зависимость от России» [6].

В этом же ключе реализуются информационные мероприятия в отношении ближайшего союзника Российской Федерации – Республики Беларусь, которая, заметим, не раз подчеркивала приверженность многовекторной политике. Именно белорусский лидер Александр Лукашенко впервые озвучил идею «интеграции интеграций», которая стала идеологическим фундаментом для выстраивания полноценных партнерских связей между крупнейшими интеграционными образованиями в различных частях мира.

Иллюстрацией заинтересованности конкурирующих центров силы в дистанцировании Беларуси от ЕАЭС может быть, например, мероприятие в Таллине «Рубикон-2015: Беларусь как фактор безопасности и стабильности» [7].

На взгляд политолога А.А. Плащинского, «евразийский вектор внешнеполити-

ческой стратегии США нацелен главным образом на предотвращение сближения России, Китая и Индии, а также создания геополитических конфигураций с участием этих государств, способных бросить вызов «миру по-американски» [8, с. 17]. Заметим, что сегодня экономических и политических ресурсов для полного воплощения в жизнь проекта «Нового Шелкового пути» у Вашингтона нет, и, тем более, не вполне ясна позиция нового президента Дональда Трампа по данному принципиальному для США вопросу (комментарии по случаю таковыми пока и остаются). Впрочем, можно допустить попытки поставить на службу интересам ведущей страны Запада китайские инвестиции и подведение Москвы и Пекина к «либеральному видению» (в понимании Вашингтона, разумеется) ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути».

В Европе предсказуемо появилась идея «перезагрузки» отношений с ЕАЭС и Россией в частности. Одним из ее выразителей стал бывший посол Великобритании в Москве с 2004 по 2007 год Тони Брентон. В октябре 2016 года он заявил о том, что «послевоенная система международных отношений, или либеральная гегемония, больше не функционирует». Новая реальность расположила политика к мысли об ограничении западного влияния в XXI веке. «Нам придется умерить наши амбиции. Мы можем защитить себя. Мы можем защитить наши интересы. Но говорить другим «плохим» странам, как им себя вести, представляется все менее возможным», – заметил Брентон [9].

Данное мнение возникло на фоне обостряющихся отношений между Западом и Россией из-за ситуации в Сирии и Украине. Идущая полным ходом информационная война, беспрецедентная по своим масштабам, тревожит даже ее апологетов. Бывший глава MI-6 (внешняя разведка Великобритании) Джон Сойерс отметил, что, в отличие от времен холодной войны, сейчас не существует «отчетливых дорожных правил» [9]. Еще более пессимистично настроен министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер, не раз под-

черкивавший особо опасный для мира характер противостояния между основными центрами военной силы.

Британский писатель и историк Майкл Бёрли на страницах The Times признал, что «всему виной – высокомерие Запада». Наиболее же губительное воздействие на международные отношения оказывает «кибервойна, которая неприемлема» [10].

Однако данные мнения остаются частным проявлением понимания угрозы крупного конфликта. Что касается ЕАЭС, то необходимо признать: результатом проводимых конкурирующими государствами информационных операций стало сформировавшееся у большей части российской политической и научной элиты представление о декоративности интеграционного проекта на постсоветском пространстве.

Все чаще звучат мнения, что «безжизненность» ЕАЭС заключается в его экономической слабости, поскольку Союз «объединяет страны со слабыми экономиками, которые отягощены большим количеством социально-экономических и политических проблем» (явный диссонанс программным статьям лидеров России, Беларуси и Казахстана в газете «Известия» в 2011 году). Возможности усиления видятся экспертами в присоединении к ЕАЭС Китая и Ирана, однако тогда Россия уже не будет играть доминирующую роль [11].

Последнее время на Западе откровенно говорят о возможностях экспорта «цветных революций» в ряд стран ЕАЭС. В мае 2016 года старший научный сотрудник Центра новой американской безопасности Роберт Каплан заявил о том, что «Центральная Азия созрела для своей версии «арабской весны». Далее эксперт продолжил: «Главный геополитический вопрос – централизованный контроль: у кого он есть и кто его не имеет. Централизованное авторитарное управление большими территориями по определению чревато проблемами – тем более в эпоху пробуждения этнического, религиозного и личностного сознания, когда электронная переписка может

воспламенять претензии, основанные на национальном самоопределении. Неудивительно, что карта Евразии скоро усложнится» [12].

Таким образом, в государствах ЕАЭС сохраняется риск инспирирования социально-политических конфликтов через внешнее информационное воздействие. В условиях обостряющихся экономических трудностей эта угроза требует повышенного внимания со стороны государственных институтов. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Буховец, О.Г. Парадоксы национализма и национальные проблемы / О.Г. Буховец // Россия в многообразии цивилизаций. – М., 2011. – С. 211–247 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ieras.ru/pub/monografii/Russia>. – Дата доступа: 05.02.2015.
2. Колин, К.К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика / К.К. Колин. – М.: Академический проект, 2000. – 350 с.
3. Волковский, Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. / Н.Л. Волковский. – Ч. 2. – СПб.: Полигон, 2003. – 735 с.
4. Гайшун, А.Н. Информационная безопасность Союзного государства Беларуси и России / А.Н. Гайшун // Беларусь – Россия – Китай: к новой парадигме истории: сб. науч. тр. – Минск: ИСПИ, 2003. – С.117–131.
5. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libros.am/book/read/id/141024/slug/kritika-prakticheskogo-razuma>. – Дата доступа: 22.11.2016.
6. Манкофф, Дж. Потепление отношения США к евразийским интеграционным проектам России и Китая / Дж. Манкофф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Poteplenie-otnosheniya-SshA-evrazijskim-integratsionnym-proektam-Rossii-1-Kitaya – 18163. – Дата доступа: 17.05.2016.
7. Яковлевский, Р. Белоруссия – неотъемлемое звено «линии Путина» / Р. Яковлевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20151112/231330948.html>. – Дата доступа: 25.05.2016.
8. Плащинский, А.А. Смена вех в глобальном мире: от мира по-американски к созданию нового международного порядка / А.А. Плащинский // Социология. – 2015. – № 1. – С. 13–26.
9. Wintourand, P., Hardingin, L., Borger, J. Cold war 2.0 how Russia and the west reheated a historic struggle / P. Wintourand, L. Hardingin, J. Borger [Electronic resource]. – Mode of access: www.theguardian.com/world/2016/oct/24/cold-war-20-how-russia-and-the-west-reheated-a-historic-struggle. – Date of access: 25.10.2016.
10. Burleigh, M. West's hubris has created the Russian monster / M. Burleigh [Electronic resource]. – Mode of access: www.thetimes.co.uk/edition/comment/west-hubris-has-created-the-russian-monster-gjkr5n8d6. – Date of access: 13.10.2016/
11. Винокуров, Е. Евразоскептицизм / Е. Винокуров // Россия в глобальной политике. – 2014. – № 1. – С. 78 – 87.
12. Каплан, Р. Грядущая анархия в Евразии / Р. Каплан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/gryaduschaya-anarkhiya-v-evrazii-18146>. – Дата доступа: 17.05.2016.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема

авторских материалов в журнал «Беларуская думка»

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
2. Редакция принимает рукописи в двух экземплярах (не ксерокопия), напечатанные шрифтом Times New Roman, 14-й кегль, межстрочный интервал – полуторный, объем статьи – до 10 страниц.
3. Статья должна содержать:
  - индекс УДК;
  - фамилию, имя, отчество автора (авторов), название статьи на русском и английском языках;
  - резюме объемом 400–450 знаков на русском языке;
  - введение (с поставленными задачами), основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
  - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
4. Материал визируется автором.
5. Наличие электронного варианта статьи (компакт-диск, флеш-носитель).
6. Иллюстративный материал представляется отдельными графическими файлами.
7. Данные об авторе (0,5–1 страница): телефон, адрес электронной почты, место работы, должность, ученая степень, звание, сфера научных интересов.
8. Рецензия (внешняя или внутренняя). Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.